

ОЧЕРК 2

А. В. МАРКОВ

(«Постоянный оппонент» В. Ф. Миллера)

Если Е. В. Аничков был верным учеником А. Н. Веселовского и настойчивым пропагандистом его идей, то А. В. Марков продолжил в фольклористике линию другого корифея русской филологии — В. Ф. Миллера. Влияние Вс. Миллера на А. В. Маркова бесспорно и всеобъемлюще. В области фольклористики В. Ф. Миллер был прежде всего эпосоведом; А. В. Марков наибольший вклад внес также именно в былиноведение. Вс. Миллер был основателем «исторической школы»; в рамках методологии этого направления написаны и исследования его ученика. Даже вступая в дискуссию со своим учителем (а делал это, как мы покажем ниже, А. В. Марков часто), оспаривая многие его частные выводы и фундаментальные положения, А. В. Марков всегда оставался на позициях «исторической школы» и по сути дела в своей критике исходил из тех же методологических установок, которыми руководствовался и В. Ф. Миллер.

Необходимо обратить внимание еще на один аспект, определяющий место А. В. Маркова в истории русской фольклористики. А. В. Марков по сути дела был первым крупным ученым, в научной деятельности которого одинаково важную роль играли собирательская и исследовательская работа. Всех русских фольклористов XIX в. условно можно разделить на две группы: на собирателей (П. В. Киреевский, П. И. Якушкин, П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг, П. В. Шейн и т. д.) и теоретиков (Ф. И. Буславев, А. А. Потебня, А. Н. Веселовский и т. д.). Первые остались в истории науки прежде всего благодаря записыванию и публикации ими памятников народной поэзии; вторые сосредоточивались исключительно на изучении материалов, добытых другими лицами, не участвуя в организации работ по записи фольклора. В А. В. Маркове как фольклористе слились воедино названные два направления, что дало новый импульс для развития отечественной науки об устно-поэтическом творчестве. Из современников А. В. Маркова учеными, которые были одинаково квалифицированными и в сфере собирания народной поэзии, и в области ее исследования, можно назвать Д. К. Зеленина, Е. Н. Елеонскую, Б. М. и Ю. М. Соколовых и др. Позднее этот тип ученых воплотился в М. К. Азадовском, В. И. Чичерове, А. М. Астаховой, Г. С. Виноградове, А. И. Никифорове, П. Г. Богатыреве, Э. В. Померанцевой и др. В лице А. В. Маркова мы видим, таким образом, новый тип фольклориста первой половины XX в.

Фигура А. В. Маркова для нас интересна еще одной стороной. Случилось так, что в отличие от Е. В. Аничкова, А. Д. Григорьева, Д. К. Зеленина, Б. М. и Ю. М. Соколовых, А. В. Марков после окончания университета не был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию.¹ Однако он не оказался оторванным от фольклористики, и произошло это благодаря той системе научных обществ, о которых мы говорили во введении. Еще в январе 1897 г.² студент А. В. Марков был избран членом-сотрудником Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; позднее, с 1901 г., участвовал в работе Музыкально-этнографической комиссии ОЛЕАиЭ.³ Он был также членом Общества любителей российской словесности (с 1906 г.)⁴ и Московского археологического общества (с 1912 г.).⁵ А. В. Марков, таким образом, являет собой блестящий пример того, как в дореволюционной России научный потенциал талантливого человека мог реализоваться в сотрудничестве с учеными обществами.

Алексей Владимирович Марков родился 8 (20) мая 1877 г. в Москве в семье священника. Его отец, Владимир Семенович, к концу жизни получил одно из высших званий русского белого духовенства: он был назначен протопресвитером⁶ Успенского собора в Кремле. В «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова упомянут некто В. С. Марков (без раскрытия инициалов) — «духовный писатель».⁷ Данный В. С. Марков является автором ряда статей в журнале «Православное обозрение» и в «Чтениях общества любителей духовного просвещения». Судя по характеру некоторых его работ В. С. Марков был москвичом. Об этом свидетельствуют его статьи московской тематики: «Слово на день празднования двадцатипятилетия Московского Марииноермоловского женского училища» и «Речь при открытии 5-й Московской женской гимназии».⁸ Почти с абсолютной уверенностью можно утверждать, что названный писатель-богослов и есть отец А. В. Маркова. В одном из писем А. В. Маркова упомянуто, что семья его отца была в близких отношениях с выдающимся историком В. О. Ключевским.⁹ Из писем также явствует, что Марковы имели собственную дачу в Пушкино под Москвой. Таким образом, те крупницы сведений о семье будущего фольклориста, которые нам удалось собрать, свидетельствуют, что с раннего детства А. В. Маркова окружала обстановка просвещенного интеллигентного русского семейства, живущего в достатке и заботящегося о воспитании своих детей.

Прежде чем попытаться определить место А. В. Маркова в русской фольклористике начала XX в., обозначим некоторые вехи в его биографии. Среднее образование мальчик получил в первой московской гимназии (1887—1896). Сразу же после окончания ее он поступил в Московский университет (1896—1900). Затем в течение нескольких лет А. В. Марков проработал преподавателем русского языка и литературы в разных учебных заведениях Москвы: Художественно-промышленное Строгановское училище, Третий кадетский корпус и т. д. В 1911 г. ученый был приглашен в Тифлис на Высшие женские курсы, где и преподавал вплоть до своей безвременной кончины — 31 августа 1917 г.¹⁰

А. В. Марков приобщился к собирательской работе еще в гимназические годы. Такая ранняя обращенность к народной поэзии как к предмету научных изысканий — это уникальное явление в истории нашей фольклористики. Имеющиеся в распоряжении ученых сведения позволяют говорить, что первые записи фольклора были сделаны А. В. Марковым в 1892 г., то есть в возрасте пятнадцати лет. Результатом собирательской деятельности А. В. Маркова-гимназиста стал рукописный сборник «Детские песни, записанные А. Марковым в центральных губерниях в 1892—1896 гг.» Тексты произведений, представленных в названной тетради, происходят из Московской, Рязанской, Тульской, Владимирской, Калужской, Смоленской губерний. Сложно себе представить, что записи производились А. В. Марковым-гимназистом в условиях научной экспедиции. Возможно, они делались на летних каникулах во время отдыха в разных регионах. Еще вероятнее, что А. В. Марков записывал произведения народной поэзии в Москве или Подмоскovie от выходцев из указанных губерний. Не исключено также, что записи, составившие тетрадь «Детские песни», были получены им от разных лиц (например, от товарищей по гимназии). Как бы то ни было, все названные предположения о происхождении этой коллекции детского фольклора свидетельствуют о том, что уже в гимназические годы А. В. Марков становится достаточно квалифицированным собирателем народной поэзии.

П. Д. Ухов, публикуя «Детские песни» А. В. Маркова, писал: «Поражает (...), с какой обстоятельностью, научной подготовкой и добросовестностью составлен сборник. Характер записи показывает, что они производились не просто любознательным мальчиком, а серьезным ученым, подготовленным к самостоятельной научной работе. О серьезной научной подготовке А. В. Маркова свидетельствуют и его примечания к текстам».¹¹ Может быть, П. Д. Ухов несколько преувеличил уровень квалификации А. В. Маркова в середине 1890-х гг. Но тем не менее факт остается фактом: А. В. Марков в своей рукописи ссылается на добрую дюжину изданий, в которых содержатся варианты к его текстам (на сборники И. П. Сахарова, П. В. Шейна, А. Васнецова, В. Варенцова, П. А. Бессонова и др.), а уже одно это говорит о его широком знакомстве с фольклористической литературой того времени.

На необычайно раннюю собирательскую деятельность А. В. Маркова указывает еще один факт. Будучи уже в Тифлисе, он публикует статью «Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии в связи с вопросом о происхождении великорусского племени»; в качестве же приложения к этой работе даны «Русские песни из собрания А. В. Маркова» (тексты из Смоленской, Московской, Тульской, Олонецкой, Рязанской, Черниговской губерний, помеченные 1893—1898 гг.).¹²

Университетские занятия укрепили в А. В. Маркове интерес к устной словесности. В студенческие годы состоялись две его поездки на Русский Север, приведшие юного фольклориста к открытию былинной традиции в Архангельской губернии и сделавшие его имя сразу же широко известным в кругу любителей «живой старины».

О первой фольклорной «экспедиции» (лето 1898 г.) А. В. Маркова мы читаем в Отчете Этнографического отдела ОЛЕАиЭ следующее: «А. В. Марков был в губ(ерниях) Олонецкой и Архангельской. В Кар-

гопольском уезде он записал большое количество сказок, песен, духовных стихов и загадок; в селе же Золотице на Зимнем берегу Белого моря им записано 5 былин, 2 историч(еских) песни и 3 духовных стиха. Кроме того, собран материал по быту крестьян. Варианты былин, записанных г-м Марковым, имеют большую ценность».¹³ Поездка на Зимний берег, можно с уверенностью сказать, стала решающей в жизни начинающего ученого. Его общефольклорные интересы получили более четкие былиноведческие очертания. В Зимней Золотице А. В. Маркову посчастливилось встретиться со сказителем Г. Л. Крюковым и записать от него 5 старин. Расспросы среди поморов убедили фольклориста, что при планомерной работе в этом регионе можно записать гораздо больше былин, и поэтому на следующее лето он решил совершить специальную поездку для записывания эпических песен в Архангельской губернии.

Справедливости ради следует сказать, что первые записи былин на Зимнем берегу были сделаны за сорок лет до А. В. Маркова местным священником Вл. Розановым. Однако, как это нередко бывает, материал Вл. Розанова не получил широкого резонанса в научных кругах. Случилось так, что те в общем-то не столь уж и многочисленные записи эпических песен, которые были сделаны в 1840—1860-е гг. в Архангельском крае Н. П. Борисовым (Шенкурск), В. Верещагиным (Онега), А. Харитоновым (Архангельск), Вл. Розановым (Зимний берег),¹⁴ не были должным образом оценены наукой. А. М. Лодыа в своей книге, претендующей на некое подведение итогов в былиноведении, в 1896 г. писал: «Рассматривая русский богатырский эпос в его настоящем, приходится признать, что пора открытий для него миновала. Европейская Россия вполне исследована и более того, что уже известно, дать не может. Сибирь, на которую так надеялся О. Миллер, в настоящее время также достаточно известна, и по всем признакам богатырский эпос не принадлежит к числу ее богатств. Усилия исследователей должны теперь обращаться не на бесплодные и во всяком случае неблагоприятные поиски нового материала, а на систематизацию добытого уже».¹⁵ Пройдет всего несколько лет, и экспедиции А. В. Маркова, А. Д. Григорьева и Н. Е. Ончукова блестяще опровергнут этот скороспелый вывод. И первопроходцем в этой когорте молодых фольклористов, открывших для русской науки Архангельскую губернию как крупный очаг эпической традиции, был, подчеркнем, московский студент А. В. Марков.

Летом 1899 г. А. В. Марков на средства Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии совершил вторую поездку на Русский Север. План этой экспедиции разрабатывался им совместно с другим питомцем Московского университета А. Д. Григорьевым. А. Д. Григорьев должен был обследовать беломорское побережье западнее Архангельска, А. В. Марков же намечал для себя Зимний и Терский берега Белого моря¹⁶ и Мезень. Однако обстоятельства сложились так, что собирателю пришлось задержаться на начальной точке своего маршрута — в селах Нижняя и Верхняя Зимняя Золотица.

14 июня 1899 г., прибыв в Н. Зимнюю Золотицу, собиратель писал родным: «Живу я в стороне украиной, задленной, куда чёрный ворон не пролетывал, серый волк не прорыскивал, куда и пароходы-то заходят лишь в хорошую погоду (...) Я поселился опять у Любавы Ми-

хайловны (40-а лет); у меня отдельная комната с кроватью, завешенной темным пологом (что необходимо при здешних светлых ночах), а на ней перина, подушки ... и абсолютное отсутствие насекомых. Комната украшена 13-ю образами, 2 лампадами, картиной страшного суда и портретами царского семейства. Есть три стола, 2 зеркала, 2 стула — все как надо». ¹⁷ Поморский быт и особенно сами поморы очаровали А. В. Маркова. «Крестьяне привыкли ко мне, — сообщал он в этом же письме, — и сами предлагают записывать у них былины; хозяйка ухаживает за мною и все потчует пшенной кашей и треской, а иногда и ватрушками, шаньгами и пирожками с изюмом из слоеного или песочного (какова цивилизация!) теста (...) Здешний народ ужасно разговорчивый и довольно понятливый: старики, которым я рассказывал, как снимают портреты, ¹⁸ легко поняли меня».

Первоначально А. В. Марков думал пробыть в Нижней Зимней Золотице меньше недели. В цитированном письме от 14 июня он писал, что дня через четыре собирается в Верхнюю Зимнюю Золотицу, а затем в г. Мезень на три—четыре дня. Из расспросов собиратель выяснил, что «ни в Поное, ни на Мурмане былин не поют, а Мезень — былинный центр». ²⁰ Но скоро ученый понял, что его планы неосуществимы: и обилие материала, и отсутствие пароходов буквально приковывали его к Зимнему берегу. «Вот уже восемь дней я живу все в Нижней Золотице, — писал он 19 июня матери, — а запас былин у здешних сказителей еще не истощается, хотя я пишу с утра до вечера, до полного истощения сил. Записал я 29 былин, но осталось еще гораздо больше: пока я записываю только у 2 сказителей, которые знают еще порядочно, а всех сказителей наберется до десятка! Завтра уезжаю в Верхнюю Золотицу, за 10 верст по реке, потому что скоро старики разьедутся на тони, так я спешу, чтобы застать их дома. Но отсюда я опять заеду в Нижнюю Золотицу и проживу тут еще несколько дней. Вероятно, кроме Золотицы, мне не придется никуда отправиться, т. к. в Мезень пароходы пойдут не скоро».

Экспедиция 1899 г. была чрезвычайно успешной и плодотворной. За месяц работы в двух селах Зимнего берега собиратель записал 109 старин: былин, исторических песен, баллад. ²² Благодаря А. В. Маркову науке стали известны имена таких выдающихся сказителей, как А. М., М. С. и Г. Л. Крюковы. Былинный очаг Зимнего берега существенно пополнил представления ученых о репертуаре русских эпических песен. Здесь впервые были записаны сюжеты «Сватовство Идолища», «Глеб Володьевич», «Камское побоище», «Жениха Добрыни Никитича», «Иван Дородович и Софья царевна», «Ждан царевич» и др.

Не менее успешной была и поездка А. Д. Григорьева, с чем мы будем говорить ниже. В. Ф. Миллер воспринял результаты обеих экспедиций с большим удовлетворением и не без гордости писал А. А. Шахматову 7 декабря 1899 г.: «Из числа наших научных новостей могу сообщить Вам следующее: это лето двое моих учеников, Григорьев и Марков, ездили от Этнографического отдела в Архангельскую губернию и нашли целую уйму былин в Зимней Золотице и Нюхче. Марков записал их до 100, Григорьев до 30. Кроме вариантов встретились и новинки. Особенности говора прекрасно выдержаны. В настоящее время готовится издание «Беломорских былин».

Они составят том страниц в 700, не уступающий по интересу «Онежским былинам» Гильфердинга».²³

Как видим, вопрос о печатании «Беломорских былин»²⁴ был решен чрезвычайно быстро: летом 1899 г. А. В. Марков съездил в экспедицию, а уже в декабре об издании говорилось как о деле решенном. Первоначально предполагалось былины А. В. Маркова и А. Д. Григорьева печатать в одном сборнике; впоследствии же григорьевский материал отпочковался от этого издания. А. В. Марков сумел подготовить свое собрание в довольно сжатые сроки. Уже в 1901 г. сборник увидел свет. Выход «Беломорских былин» сразу же принес начинающему ученому имя и известность. Все рецензенты признавали за А. В. Марковым приоритет в открытии «новой области с сильной и свежей эпической традицией».²⁵

В 1901 г. состоялась третья северная фольклорная экспедиция А. В. Маркова, организованная Этнографическим отделом ОЛЕАиЭ при поддержке Отделения русского языка и словесности Академии наук. Эта поездка примечательна тем, что в ней, в отличие от предшествующих экспедиций, заложена идея комплексности. Помимо А. В. Маркова (филолога) на север отправились музыковед А. Л. Маслов и фотограф-любитель Б. А. Богословский. Песенный фольклорный текст не мыслился экспедиционерами без его музыкальной стороны. А. Л. Маслов, озаботившийся оснащением экспедиции фонографом,²⁶ должен был записать напевы устно-поэтических произведений поморов. Равно важным представлялся участникам экспедиции и этнографический аспект жизни народной поэзии. Б. А. Богословскому предстояло запечатлеть на фотографиях поморские дома, суда, костюмы и т. д. Отметим, что экспедиция А. В. Маркова, А. Л. Маслова и Б. А. Богословского была в русской науке не первым опытом комплексных поездок за народным творчеством. Идея комплексности заложена уже в экспедициях 1886 (словесник Ф. М. Истомин и музыковед Г. О. Дютш) и 1893 г. (Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов), организованных Русским географическим обществом. Позднее эта практика получит свое дальнейшее развитие в собирательской работе.

Первоначально А. В. Марков и его спутники намеревались обследовать в отношении былин Поморский берег Белого моря (то есть район от г. Онеги до Кеми). Однако из расспросов попутчиков, оказавшихся с ними на одном пароходе, выяснилось, что от этого побережья нельзя ожидать больших результатов.²⁷ Поэтому экспедиционеры изменили маршрут и направились на Терский берег Белого моря. Они прибыли в Кандалакшу, затем побывали в селах Федосеево, Кузомень и Варзуга. Здесь было записано 20 духовных стихов, 38 старин (былины, баллады и исторические песни), а также свадебные причитания и лирика.²⁸ Так был открыт еще один былинный очаг на Русском Севере — Терский берег.

Затем экспедиция направилась на Зимний берег Белого моря. Здесь фольклористы работали с исполнителями, с которыми ранее уже встречался А. В. Марков. Были записаны напевы уже знакомых былин и исторических песен А. М. Крюковой, М. С. Крюковой, Г. Л. Крюкова, Ф. Т. Пономарева, А. И. Лыткина. Удалось зафиксировать и новые произведения из их репертуара.

Всего за полтора месяца работы, согласно отчету,²⁹ было записано 70 старин, 27 духовных стихов, 4 сказки, 7 протяжных песен, 5 святочных, 3 хороводных, 2 плясовых, 2 свадебных, 10 свадебных причитаний, 1 похоронное и 1 заговор. Среди былин были и новые: «Алеша Попович убивает под Киевом татарина», «Оксенышко», «Женитьба Дюка Степановича», «Женитьба Пересмякина племянника», «Рында».

Далее маршрут А. В. Маркова и его товарищей пролегал по Северной Двине. В Верхней Тойме они сделали остановку, надеясь здесь найти следы эпоса. Однако все поиски оказались безрезультатными, и экспедиционеры вернулись в Москву.

Материалы экспедиции 1901 г., как мы уже упомянули, были опубликованы несколько лет спустя в «Трудах Музыкально-этнографической комиссии», а также в сборнике «Былины новой и недавней записи»³⁰ (№ 29, 43, 56, 64, 67, 68, 81, 86 — записи Б. А. Богословского; № 65, 75, 77 — записи А. В. Маркова из Кузомени и Варзуги).

В 1903 г. А. В. Марков еще раз побывал на севере России. В «Отчете» о деятельности Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1902—1903 гг. значится доклад А. В. Маркова «О поездке на Кольский полуостров летом 1903 г.» О самой же экспедиции сообщается следующее: «А. В. Марков посетил с. Поной на Терском берегу Кольского полуострова, становившие Восточную Лицу на Мурмане и с. Шалякушку Каргопольского у. Олонецкой губ. В эту поездку записаны тексты 19 старин, 3 духовных стихов, 35 песен, преимущественно свадебных, 7 свадебных причитаний и приговоров и 1 свадебного заговора («отпуска»). Ко всем текстам записаны мелодии посредством фонографа. Кроме того, собраны письменные и устные материалы по истории села Поноя, а также приобретены две рукописи: одна, XVI века, содержит описание чудес Николая Чудотворца, а другая, начала XIX в., представляет собою небольшой сборник раскольничьих вириш и духовных стихов».³¹ Часть из собранных материалов — былины из Поноя и Шалякушки — позднее были опубликованы в сборнике «Былины новой и недавней записи» (№ 9, 23, 30, 31, 69, 76, 92, 96).

Имеются смутные сведения о какой-то экспедиции А. В. Маркова, состоявшейся в 1904 г. В письме к А. А. Шахматову от 25 февраля 1908 г., говоря о планируемых (но так и не состоявшихся) изданиях Музыкально-этнографической комиссии, ученый, между прочим, замечал: «...будет напечатан материал, записанный мною в 1903 и 1904 гг. в Архангельской и Олонецкой губерниях».³² Правда, в Отчете ОЛЕАиЭ за 1903—1904 гг. сообщается лишь о том, что А. В. Марков делал записи от какого-то крестьянина Смоленской губернии (6 духовных стихов).³³ Но называется и его доклад «По Северу России. Впечатления из этнографических экскурсий», что дает возможность предполагать, что в 1904 г. А. В. Марков действительно еще раз побывал на севере. В сборнике «Былины новой и недавней записи» напечатано без указания года записи несколько былин А. В. Маркова из деревни Гридино (№ 44, 63, 78, 89, 98) и Кеми (№ 62). Так как в отчете собирателя об экспедициях 1901 и 1903 гг. Гридино и Кемь не называются, то мы полагаем, что в данных местах ученый побывал в 1904 г. Таким образом, эту поездку можно считать разведывательным выездом в поисках былин на Карельском берегу Белого моря.

Больше данных наука имеет об экспедиции А. В. Маркова 1909 г. Задумывалась эта экскурсия как поездка на Урал, в Прикамье и низовья Волги. Главной задачей, как и в предыдущих экспедициях, собиратель считал поиски остатков эпической традиции. Как следует из письма А. В. Маркова к А. А. Шахматову, в обсуждении этого проекта принимали участие В. Ф. Миллер, А. Д. Григорьев, С. К. Шамбинаго, В. В. Богданов и другие московские этнографы.³⁴ 1 марта А. В. Марков направил в Отделение русского языка и словесности прошение о субсидии для экспедиции, в котором особо подчеркивал: «Планомерное исследование всей области от верховьев Печоры и Камы до восточного склона среднего Урала поможет выяснить картину последовательного перехода от очагов былинной традиции Архангельской губернии к старому сборнику Кириши Данилова».³⁵ В процессе обдумывания летних экспедиционных планов впоследствии решено было ограничиться Камско-Уральским краем (без низовьев Волги), где в XVIII в. и был составлен сборник Кириши Данилова (А. В. Марков придерживался именно этой точки зрения).

24 мая А. В. Марков выехал из Москвы в Нижний Новгород, откуда направился в село Пьяный Бор на Каме (на границе Елабужского уезда Вятской губернии и Мензелинского уезда Уфимской губернии). Обследование этого села разочаровало собирателя. Он здесь ничего не записал, кроме одной песни о взятии Казани. Лишь кто-то из старух вспомнил, как когда-то в молодости она пела про Алешу Поповича.

Из Пьяного Бора ученый направился вверх по Каме в Пермь, куда прибыл 29 мая. Здесь он встретился с известным организатором народных хоров А. Д. Городцовым. С его помощью А. В. Марков опросил около ста человек, съехавшихся в Пермь на хоровые курсы. Из опроса выяснилось: «1) В Пермской губ(ернии) неизвестен термин “старина”. 2) О былинах знают только из книг. 3) О богатырях существуют лишь местные предания, напр(имер), рассказ об одном кунгурском силаче. 4) Во многих местностях сохранилось пение духовных стихов».³⁶ Все это окончательно убедило фольклориста, что в Пермском крае былинная традиция уже исчезла. Записав в Перми 8 духовных стихов и песню об осаде Соловецкого монастыря, А. В. Марков решает круто изменить маршрут и направляется в Поморье.

11 июня он уже выезжал из Архангельска в с. Сумпосад, откуда двинулся на запад по берегу Белого моря (Пертозерский скит, Вирьма, Сухой Наволок, Сорока, Шижня, Гридино). Первые четыре села дали материала довольно мало. 23 июня собиратель писал В. Ф. Миллеру из Сухого Наволока: «Пока я записал очень небольшое количество былин, именно 9 “старин”; более посчастливилось со стихами, которых у меня записано 34; записал еще 11 обрядовых песен. Рассчитываю больше записать на Карельском берегу, гораздо более консервативном, нежели Поморье».³⁷ Надежды ученого на этот регион полностью оправдались. В селе Гридино он записал 23 эпических сюжета, всего же, как выяснилось из расспросов, сельчанам было знакомо 28 сюжетов. В общей сложности в течение поездки 1909 г. А. В. Марков собрал 50 духовных стихов и 40 старин.³⁸

Экспедиция 1909 г., судя по всему, была последней в жизни А. В. Маркова. В 1911 г. ученый переехал в Тифлис. Оторванный от

родной Москвы, теперь он предпочитал краткие летние вакации проводить с родными в Пушкино или в Звенигороде, в семье своей жены. К тому же и здоровье не позволяло больше А. В. Маркову отправляться в длительные путешествия. А друзья звали исследователя в новые экспедиции. Н. В. Васильев 14 апреля 1915 г. писал А. В. Маркову в Тифлис: «Скоро ли Вы соберетесь в Москву? Затевается большое дело, как Вы уже, вероятно, знаете: “Московский сборник”, т. е. собрание произведений народного творчества в Московской губернии».³⁹ Деньги на планируемую экспедицию давало земство и город, работать в ней должны были братья Соколовы, Е. Н. Елеонская, студенты Московского университета и А. В. Марков. Мы так и не знаем, получил ли этот проект какое-либо практическое воплощение, но А. В. Марков в названной экспедиции не участвовал.

Если бы научная деятельность А. В. Маркова была ограничена исключительно экспедициями, то уже по результатам его поездок на Русский Север мы могли бы назвать этого ученого выдающимся собирателем XX века. Ему, повторяем еще раз, принадлежит честь открытия былинной традиции на Зимнем, Терском, Поморском и Карельском берегах Белого моря. Однако не менее ярким и весомым был вклад ученого и в исследование устного народного творчества.

Упомянутый выше рукописный сборник «Детские песни» — первая научная работа А. В. Маркова — как выяснил П. Д. Ухов, оказался у П. А. Бессонова, авторитет которого для А. В. Маркова, по видимому, был очень высок в гимназические годы. Первоначальный интерес к фольклору у юноши питался знакомством с мифологической теорией и ее романтическим отношением к народной словесности. Впрочем, эта детская увлеченность старой мифологической школой никак не сказалась на печатных работах А. В. Маркова. Встреча в университетских стенах с В. Ф. Миллером круто изменила взгляды начинающего ученого на фольклор. Позднее он писал: «Выдающимся обстоятельством своей ученой деятельности Марков считает знакомство в 1896 г. с проф(ессором) В. Ф. Миллером, который отвратил его от исследований по народной словесности мифологического направления (Афанасьев, О. Миллер, Бессонов) и от славянофильских взглядов на науку, в значительной степени усвоенных им в гимназии. (...) и дал ему строго научный критерий в отношении к фактам».⁴⁰ Научный же критерий определялся в работах А. В. Маркова прежде всего рамками «исторической школы».

А. В. Марков был любимейшим учеником В. Ф. Миллера. В Предисловии к «Беломорским былинам» маститый профессор Московского университета писал: «Мне приятно (...) видеть в г. Маркове одного из даровитейших моих учеников и продолжателя предпринятых мною работ по детальной разработке вопросов русской эпической старины».⁴¹ В одном из писем к А. А. Шахматову, хлопоча о том, чтобы А. В. Маркову была предоставлена от Академии наук субсидия для экспедиции на Терский берег Белого моря, Вс. Миллер замечал, что он ставит А. В. Маркова «во всех отношениях (...) выше Григорьева».⁴² Уже на студенческой скамье В. Ф. Миллер вовлекает своего ученика в серьезную работу: вводит его в ОЛЕАиЭ, открывает перед ним двери «Этнографического обозрения».

А. В. Марков начал публиковаться очень рано, еще в университете. За 1899—1900 гг. им было напечатано в «Этнографическом обозрении» и других изданиях около десятка рецензий и заметок. С самого начала былинная тема занимала в его работах главное место. Именно эпические песни стоят в центре внимания рецензий ученого на сборники Ф. М. Истомина—С. М. Ляпунова⁴³ и М. Е. Соколова.⁴⁴ Студент А. В. Марков пробует свои силы в публикации былинных текстов — записей Е. Н. Косвинцева, присланных в ОЛЕАиЭ из Пермской губернии⁴⁵; обращает внимание фольклористов на забытые публикации былин.⁴⁶

К 1900 г. относятся и первые самостоятельные исследования начинающего фольклориста. Одна из его ранних работ посвящена сюжету «Камское побоище» — былине, записанной им в двух вариантах на Зимнем берегу Белого моря. Эта статья полностью вписывается в рамки «исторической школы». Характерно, что из всего спектра многочисленных проблем, связанных с русским эпосом (региональные особенности в общерусской традиции, монографическое изучение творчества одного сказителя, разыскания в области поэтики былин, исследование роли «типических мест» в сложении старин, изучение одного сюжета с точки зрения его версий и редакций, поиски сюжетных параллелей в иноэтнических традициях и т. д.) А. В. Марков выбирает ту единственную проблему, на решении которой зиждится вся «историческая школа»: определение исторического события, поэтически отраженного в былине. Исходя из методологических разработок своего учителя и других сторонников исторического изучения эпического наследия русского народа, А. В. Марков главными вехами в изучении былинного сюжета считает имена героев и географические названия.

Отталкиваясь от имени Самсона Колывановича, богатыря, стоящего первым в перечне защитников Киева, исследователь пытается обнаружить исторический прототип для этого эпического героя. Он отвергает предположения своих предшественников, связывавших образ Самсона Колывановича с библейским Самсоном, с рыцарем-великаном Самсоном из германских сказаний Тидрекова цикла, с древнерусским названием города Ревель как Колывань, с финскими преданиями о сыне Калеве. Прообразом эпического Самсона Колывановича А. В. Марков считает предводителя русской дружины Самсона Колыванова, совершившего в 1357 г. неудачный поход на Югру (нижнее течение Оби). Название же побоища «Камское» ученый возводит к речке Каме, притоку реки Конды, впадающей в Иртыш.⁴⁷ Таким образом, на основании одного антропонима и одного топонима исследователь решается утверждать, что в данной былине «сохранилась память об одном из неудачных походов в Югру, которая вследствие своей удаленности от Новгорода долго не давалась в руки промышленному городу».⁴⁸ При этом в анализе былины по сути дела за бортом исследования остается и идейный пафос этой старины, и сам сюжет — бродячие мотивы, из которых соткана эпическая песня: диалог Ильи Муромца с Идолищем по поводу того, кто сколько хлеба съедает; необдуманное слово отдельных богатырей, похваляющихся после удачной битвы «прибить силу небесную»; позорное поражение Добрыни от поляницы Латынь-горки и самоубийство этого героя. Имя богатыря, отнюдь не играющего центральной роли в данной старине, становится для исследователя главным в понимании всего сюжета.

Таким образом, методологические установки «исторической школы» и ее основателя Вс. Миллера, пусть понятия еще несколько упрощенно и поверхностно, прочитываются в этом раннем исследовании А. В. Маркова четко и ясно. А. В. Марков вступил в науку прямым учеником своего учителя. Однако это не означает, что он не осмеливался спорить со своим маститым коллегой. Напротив, уже в первых своих статьях А. В. Марков подвергает сомнению многие выводы В. Ф. Миллера. Научная полемика между этими двумя представителями одного направления в фольклористике, длившаяся на протяжении нескольких лет вплоть до смерти Вс. Миллера, становится весьма заметным и интересным явлением в отечественной науке. Кстати, сам В. Ф. Миллер всегда очень высоко ценил мнение своего ученика. В одном из писем от 8 февраля 1908 г. он писал А. В. Маркову по поводу своего предстоящего в Этнографическом отделе ОЛЕАиЭ доклада о былинных именах: «...с удовольствием выслушаю ваши замечания. Вас как будто бы задела моя шутка, что Вы мой постоянный оппонент. Но это, конечно, было сказано не в осуждение: я никогда не страдаю излишним ученым самолюбием и не считаю свои догадки непреложными. Если хоть $\frac{1}{10}$ их войдет в научный оборот и будет признана удачными, то уже и это будет хорошо. Я всегда готов выслушать всякие возражения и пользуюсь ими, если нахожу их убедительными».⁴⁹

Весьма характерна в этом плане дискуссия между В. Ф. Миллером и А. В. Марковым по поводу сюжета «Илья Муромец и Сокольник». Как известно, исследованию этой былины принадлежит центральное место в «Экскурсах»⁵⁰ Вс. Миллера. В 1892 г. он, сопоставив азиатские и европейские версии сюжета, выдвинул гипотезу о проникновении на Русь этого бродячего сюжета с Востока. В пользу иранского влияния говорит тот факт, что и Рустем, и Илья Муромец, борющиеся с собственными сыновьями, являясь в своих национальных эпосах главными богатырями, в то время как соответствующий им германский Гильдебрант не может претендовать на главную роль в немецких сказаниях. И в русской, и в иранской традиции бою отца с сыном предшествует неудачная стычка с молодым нахвальщиком другого героя, товарища главного богатыря (Добрыня и Тус), чего нет в европейских версиях сюжета. В обоих эпосах — русском и иранском — заметной и художественно яркой фигурой является мать сына героя (королевна Задонская и царевна Техмимэ). Все вышеназванные сходжения и другие детали позволили В. Ф. Миллеру в «Экскурсах» высказать за восточное происхождение сюжета «бой отца с сыном» на русской почве.

В 1900 г. к этой же теме обратился А. В. Марков.⁵¹ Он акцентирует внимание на том, что в некоторых вариантах былины богатырская застава, с описания которой начинается большинство текстов, находится «на Латынской дороге». В этом топониме исследователь видит указание на католический (латинский) запад, то есть на Польско-Литовские земли. Именование героини, от которой Илья Муромец прижил сына, бабой Латыгоркой или Семигоркой А. В. Марков связывает с латышским племенем летьгола (латыголы, лотыголы) и с литовскими землями Зимголы (Зимиголы, Семигальская земля). Имя Сокольник, Подсокольник, согласно А. В. Маркову, соответствует придворной должности сокольника, почетной и при русском

царском дворе, и в Литовском королевстве. Исходя из этих данных, А. В. Марков полагает, что на русскую почву сюжет о бое отца с сыном проник с Запада (в параллель приводится древненемецкая песня о Гильдебранте и Гадубранте и скандинавская Тидрек-сага). Все названные выше детали, считает ученый, позволяют сделать вывод о том, что былина о бое Ильи Муромца оформилась в XIII в. в западно-русских (полоцких) землях (контакты полоцких князей с обозначенными выше латышскими и литовскими племенами были актуальными именно для XIII в.). Как видим, заключение А. В. Маркова прямо противоположно тому, к чему пришел В. Ф. Миллер в 1892 г.

В свою очередь, В. Ф. Миллер не мог пройти мимо статьи своего ученика и в 1905 г. пишет ответное исследование на его работу.⁵² Он подвергает критическому анализу выводы А. В. Маркова и указывает на шаткость и необедительность многих из них. «Латынская дорога», которой придает столь большое значение А. В. Марков, при ближайшем рассмотрении обнаруживается лишь в «убогих» (дефектных) текстах. Ей, по мнению Вс. Миллера, никак нельзя «придавать географического значения». Скорее всего «Латынская дорога» восходит к эпическому Латырь-камню (в некоторых вариантах: Латынь-камень). Латышское племя латыголы и литовское племя зимиголы никогда не были для Руси грозным, сильным противником, поэтому, считает ученый, русское знание об этих этносах не могло породить в нашем фольклоре образ Латыгорки — «сильной бабы, бьющейся с богатырями». Имя этой эпической героини исследователь опять-таки склонен связывать с названием Латырь-камня. Эпизодическое же ее наименование Марьей Бурдуковной Вс. Миллер возводит к XVI в. (ненавистная москвичам вторая жена Ивана Грозного Марья Темрюковна, дочь кабардино-черкесского князя). В связи с этим же историческим лицом в былинку проникло и прозвание матери Сокольника Семигоркой (черкесская княжна была родом из Пятигорья, легко в сознании народа замененного на эпическое число «семь»). Не находит исследователь в былине «Илья Муромец и Сокольник» и никаких историко-бытовых черт XIII в. Таким образом, гипотеза А. В. Маркова о полоцком оформлении сюжета Вс. Миллером не принимается. В то же время ученый в этой работе отказывается и от своей первоначальной точки зрения, высказанной в «Экскурсах». Заключает он свою статью следующими словами: «...все попытки приурочить первоначальный извод рассматриваемой быliny к определенному времени или области представляются мне необедительными».⁵³

А. В. Марков, судя по всему, прислушивается к критике своего учителя. Во всяком случае позднее он отказался от идеи полоцкого происхождения на русскую почву данного сюжета.⁵⁴ Но истолкование имени героини через отголоски преданий об исторической Марье Темрюковне показалось А. В. Маркову бездоказательным.⁵⁵

Сюжет «бой отца с сыном» был не единственным объектом спора между Вс. Миллером и А. В. Марковым. По-разному они трактовали и былинку о Глебе Володьевиче. В. Ф. Миллер полагал, что в образе этого эпического героя отразились воспоминания об историческом князе Глебе, сыне Владимира Святого. Сюжет быliny, по мнению исследователя, сохранил также отголоски предания о походе Владимира на Корсунь и о женитьбе его на сестре византийского императора. Вс. Миллер считал, что в эпической традиции некогда существ-

вовала редакция, согласно которой былина кончалась не смертью корсунской царевны, а ее увозом в качестве невесты для русского князя. Имя героини — Маринка Кайдаловна — ученый связывал с позднейшим влиянием образа исторической Марины Мнишек.⁵⁶

А. В. Марков оспаривает эти выводы своего учителя. В былинном Глебе Володьевиче он видит воспоминания о новгородском князе Глебе Святославовиче, ходившем в 1077 г. по просьбе Византии походом на Корсунь, не подчинившийся каким-то приказам византийского императора. XI век оставил в былине и другие следы: именно тогда греческие колонии в Крыму ввели новые пошлины для русских купцов, возмущившие и самих торговцев, и покровительствовавших им князей (напомним, что конфликт между Маринкой Кайдаловной и былинным князем Глебом Володьевичем — результат взимания ею с купцов непомерных пошлин). Образ Маринки Кайдаловны как властительницы морского города, самостоятельно решающей торгово-экономические вопросы, по мнению А. В. Маркова, соответствует положению женщин в греческих колониях. Отчество же эпической героини он возводит к XIII в., к именам монголо-татарских князьков (Кайдар, Кайдан).⁵⁷

Приведем еще пример полемики между В. Ф. Миллером и А. В. Марковым. В одной из своих статей глава «исторической школы» имя эпической княгини Апраксии возводит к именам русских женщин XII—XIII вв.: святой Евфросиньи, внучки Всеслава Полоцкого, строительницы Спасо-Евфросиниевского монастыря близ Полоцка, и княгини Евпраксии, жены рязанского князя Федора, не пожелавшей попасть во власть татар и бросившейся в 1237 г. со стен Рязани. Вс. Миллер полагал, что в народе, безусловно, должны были существовать предания об этих двух выдающихся русских женщинах. Противоречия же между образом эпической героини (распутной, сластолюбивой, готовой на обман и провокацию) и реальными святой монахиней и гордой, самоотверженной княгиней исследователь снимал следующим теоретическим допущением: «Исторические имена держатся (...) гораздо прочнее, чем связанные с ними предания, подвергающиеся в течение времен радикальной перестройке, смешению и полному забвению».⁵⁸

В 1908 г. А. В. Марков в ответ на эту заметку В. Ф. Миллера печатает статью «Еще об имени былинной киевской княгини».⁵⁹ Здесь, отвергнув предположение о Евфросинье Полоцкой и Евпраксии Рязанской как о прообразах былинной Апраксии, А. В. Марков выдвигает свою версию. Он считает, что эпическая Апраксия получила имя от св. Евпраксии, в миру Евфросиньи, жены псковского князя Ярослава Владимировича (XIII в.), мученицы, убитой пасынком своего мужа-предателя, перешедшего на сторону немецких рыцарей, над гробом которой происходили чудеса.⁶⁰ Как видим, А. В. Марков также не очень заботится о соответствии былинного образа реальному прототипу. Расхождения между А. В. Марковым и Вс. Миллером здесь носят частный характер; в методологическом же отношении оба исследователя стоят на одной платформе.

Впрочем, спор с В. Ф. Миллером его ученика и «постоянного оппонента» А. В. Маркова (вспомним процитированные выше слова Вс. Миллера) не ограничивался кругом частных вопросов. Фолькло-

рист подвергал сомнению и некоторые фундаментальные положения основателя «исторической школы».

Известно, что В. Ф. Миллер как былиновец проделал заметную эволюцию на протяжении двух десятилетий. В своих «Экскурсах» (1892 г.) он начал изучение русского эпоса сторонником теории заимствования, утверждая мысль о восточном влиянии на былины. В первом томе «Очерков» (1897 г.)⁶¹, не отказавшись в целом от идеи о бродячих сюжетах, формирующих фольклорные традиции всех индоевропейских народов, ученый полностью посвятил себя изучению судьбы переходных мотивов на русской почве. Проблема западного или восточного влияния теперь отодвинулась для исследователя на второй план. Главным стал вопрос о том, какое историческое событие отразила русская версия того или иного сюжета. Принципиально важное место в первом томе «Очерков» занимала глава, посвященная географическому распространению былин, где проводилась мысль о новгородском очаге былинного творчества. Анализ географии записей былевых песен привел В. Ф. Миллера к выводу, что в XV—XVI в. уже не все области, населенные русскими, были ими богаты. Главный очаг эпического творчества — это регион древненовгородского культурного влияния. Исследователь также считал, что многие старины киевского цикла, описывающие князя Владимира и его окружение, были созданы не в Киеве, а в Новгороде. Во втором томе «Очерков» (1910 г.)⁶² происходит заметное смещение акцентов. Теперь ученый сосредоточивается на роли XVI—XVII вв. в развитии русской эпической традиции. Эпоху Ивана Грозного В. Ф. Миллер стал рассматривать как время интенсивного былинного творчества, когда подвергались коренной переработке многие древние сюжеты. Эта же мысль проводится и в последних работах ученого, составивших посмертный третий том «Очерков» (1924 г.)⁶³.

А. В. Марков, вошедший в фольклористику в конце XIX в., когда только что появился первый том «Очерков» В. Ф. Миллера, до конца жизни был верен фундаментальным идеям, высказанным именно в этом труде. Второй том «Очерков» он считал «стоящим ниже первого и по методу работы, и по содержательности».⁶⁴ Идея о большой роли Московской Руси в развитии эпической традиции, оказалась чужда А. В. Маркову. Он оставался приверженцем первоначальной мысли В. Ф. Миллера о значимости Новгорода в сложении русских былин.⁶⁵

В. П. Аникин, вслед за В. И. Чичеровым, склонен рассматривать данное разногласие в позиции обоих фольклористов как отражение демократических взглядов А. В. Маркова, с одной стороны, и умеренно-консервативных идеалов В. Ф. Миллера, с другой. В частности, в своей статье «Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова» (единственная пока в нашей науке работа, посвященная этому талантливому исследователю русской народной поэзии) В. П. Аникин писал: «Марков предстает перед нами как ученый, чья историко-фольклорная концепция, романтизирующая Великий Новгород и его общественно-политические порядки, в свое время являлась своеобразной защитой демократических идей. С этой защитой и связана полемика А. В. Маркова с его учителем. После 1905 г. в научных взглядах В. Ф. Миллера появились те тенденции, которые не мог принять Марков, захваченный идеями революции».⁶⁶ Нам представляется вряд ли правомочным переводить рассмотрение научных раз-

ногласий А. В. Маркова и В. Ф. Миллера в политическую плоскость. И уж во всяком случае революция 1905 г. явно в научном споре не играла никакой роли. Тенденция к преувеличению роли Московской Руси в истории русского былевого эпоса в работах Вс. Миллера появилась задолго до 1905 г.; равно как и А. В. Марков еще в своей статье 1900 г. о камском побоище вслед за первым томом «Очерков русской народной словесности» отстаивал приоритет Новгорода в сложении известных нам версий былин. Но в целом принципиальные различия в позициях А. В. Маркова и позднего В. Ф. Миллера В. П. Аникиным сформулированы совершенно верно.

В историко-фольклорной концепции А. В. Маркова важной оказывается еще одна идея, высказанная им в дипломной работе «Бытовые черты русских былин», опубликованной в 1904 г., — это мысль об участии многих русских земель (а не только Киевской и Новгородской) в сложении эпической традиции. Таковыми исследователь называет Галицко-Волинское, Черниговское, Полоцкое, Муромско-Рязанское, Владимиро-Суздальское княжества. Временем же сложения основного ядра русских былевых песен он считает XIII—XIV вв. — эпоху «татарского владычества, которое обуславливало подъем русского национального чувства».⁶⁷

С точки зрения понимания самим А. В. Марковым его методологических разногласий с В. Ф. Миллером чрезвычайно интересна одна черновая запись ученого, опубликованная В. П. Аникиным. Приведем ее полностью:

«Течения в изучении былин

1. Мифологическое 40—60 гг.
2. Историко-литературное 60—80-х гг.
3. Историко-бытовое 90—900 гг.
4. Д{олжно} б{ыть} историко-социологическое со ст{атьи} “Б{ытовые} ч{ерты} р{усских} б{ылин}”. 1904».⁶⁸

представители

- Буслаев (+ 2 и 3)
Акад. Веселовский
В. Ф. Миллер (+ 2)
А. В. Марков (+ 3)

Из этого наброска видно, что А. В. Марков считал необходимым акцентировать внимание на социологических разысканиях в былинноведении. Один из важнейших вопросов, который он ставит уже в «Бытовых чертах русских былин», — это социальная среда, в которой сложились былевые песни. Они рождались в разных слоях общества — в окружении киевского князя, в дружинах удельных князей, в городских посадах, в церковных слоях и т. д. — и, соответственно, выражали идеалы и интересы разных классов общества.

Еще более четко эта мысль выражена А. В. Марковым в статье 1907 г. «К вопросу о методе исследования былин». Здесь он высказывается за то, чтобы изучать «те черты характера былин, которые указывают на классовые взгляды и интересы».⁶⁹ «Я думаю, — заключает исследователь, — что на первой очереди стоит теперь исследование идейной стороны былин с точки зрения классовой психологии».⁷⁰ Тенденция к усилению социологической мысли во всякого рода фольклористических исследованиях очень характерна для науки начала XX в. Она объясняется общими философскими исканиями, в которых не последнюю роль играло и марксистское направление. Весьма знаменательна в этом плане сама терминология, которой пользуется А. В. Марков — «классовая психология», «классовые интересы».

Статья «К вопросу о методе исследования былин» написана А. В. Марковым для утверждения нового историко-социологического направления в их изучении. Эта идея — самая дорогая для него в данной работе, и он считает ее принципиально новой, открывающей новый этап в отечественном былиноведении. Однако методологические проблемы для А. В. Маркова не исчерпываются этим аспектом. Здесь же он заявляет себя решительным противником тех представителей исторической школы, которые выступают против всякого сравнительного исследования эпоса и против теории заимствования (объектом критики А. В. Маркова в этой связи становится книга А. М. Лободы «Русские былины о сватовстве». Киев, 1904). «Что средневековый эпос был эпосом международным, т. е. что эпические произведения переходили от одного народа к другому, это прочно установлено в науке», — подчеркивает ученый.⁷¹ Здесь он ссылается на авторитет А. Н. Веселовского, указывая, что ему принадлежит заслуга в раскрытии конкретных обстоятельств, обеспечивающих условия для влияния культуры одного народа на другой. А. Н. Веселовский изучает не гипотетическое влияние древнегреческого эпоса на русский, а вполне осязаемое и объяснимое воздействие византийской традиции на Древнюю Русь; он не ищет параллелей между русским и американским фольклором, а стремится проследить возможные контакты Восточной Европы и Западной. Та отвлеченность сравнительных исследований, которая была свойственна трудам В. В. Стасова и Г. Н. Потанина, начисто отсутствует в разысканиях А. Н. Веселовского. У него всякого рода фольклорные заимствования поставлены в конкретно-исторические условия. Кстати, эту же линию исследования А. В. Марков видит и в «Экскурсах» В. Ф. Миллера. Иранское влияние на былины здесь объясняется половецким посредничеством, что сразу же абстрактную гипотезу о восточном происхождении русского эпоса переводит на довольно конкретные исторические рельсы. Таким образом, А. В. Марков признает, что пользуясь методом теории заимствования можно прийти к прочным научным результатам.

Во-вторых, ученый считает, что «литературная история былин невозможна без сравнения их со сказками и бытовыми песнями, с одной стороны, и с произведениями старорусской письменности — легендами, притчами, апокрифами, — с другой».⁷² Идея о прочных связях былин со всей русской фольклорной традицией и с древнерусской книжностью, — положение, которое в наиболее яркой форме реализовано в трудах И. Н. Жданова, — полностью разделяется А. В. Марковым.

В своих лучших статьях А. В. Марков стремился проследить, как на бродячий сюжет, проникший в устную традицию из книжного источника или из фольклора другого народа, накладывалось воспоминание о том или ином событии русской истории. Литературная традиция столь же важна для понимания эпического мира русского народа как и исторические факты — такова ведущая мысль А. В. Маркова.

В 1904 г. А. В. Марков задумал цикл статей под общим заглавием «Из истории русского былевого эпоса». Начиналась его работа следующими словами: «В своих заметках я стараюсь, во-первых, вскрыть литературный материал, который наложился на былевую основу песен и таким образом затушеввал составляющие ее первоначальные ис-

торические воспоминания; во-вторых, — определить, хотя бы до известной степени вероятности, действительные события, на которые в известных нам пересказах былины сохранились только неясные намеки.⁷³ Конечно, можно спорить, бродячий ли сюжет налагался на историческое предание или воспоминание об историческом событии — на «повесть переходящую». Но не подлежит сомнению, что былина как жанр рождалась на пересечении именно этих двух явлений. Всякое отчуждение русского эпоса от его исторической основы выхолащивает весь идейный пафос этого центрального жанра нашего фольклора, равно как и отрицание значимости бродячих тем и игнорирование путей их проникновения в устную поэзию обедняет содержание былин. А. В. Марков, на наш взгляд, в своих лучших работах демонстрирует примеры блестящего анализа, где учитываются оба названных выше аспекта жизни былинного сюжета.

Мы уже упоминали о статье ученого, посвященной былине про Глеба Володьевича. Исторической основой этой старины исследователь считал события XI в.: поход новгородского князя Глеба Святославича на Корсунь и конфликт между русскими купцами и византийскими колониями в Крыму по поводу новых пошлин. Воспоминания об этих исторических фактах, полагает А. В. Марков, соединились с каким-то византийским сказанием, которое легло в основу былины и рукописной повести о Дмитрие Басарге и сыне его Добромысле (в обоих произведениях ведущим является бродячий мотив о загадках). Продолжая исследование литературной истории былевой песни, ученый обращает внимание на сходные моменты в русской былине о Глебе Володьевиче и в украинской думе об Иване Богуславце. А. В. Марков считает, что былина послужила прототипом для думы, возникшей в XVII в., а следовательно, можно утверждать, что в XVII в. на Украине еще бытовали остатки былевого эпоса.

Столь же разносторонне им проанализирована и былина о сорока каликах. Основные источники этой эпической песни исследователь видит в предании о хождении калик в Иерусалим (исторический факт) и в Житии Михаила-черноризца, известного на славянской почве в Прологах XV—XVI вв. (литературный прототип). «В данном случае, — заключает А. В. Марков, — мы видим очень интересную мозаичную работу слагателя: для создания былины он пользуется преданием о хождении сорока новгородских калик в Иерусалим (это предание известно нам в записи XIV в.), искусно сливает с ним фабулу Жития, усиливает фантастический элемент, присоединяет к этому некоторые эпизоды из церковной литературы и все это заключает в рамки былины Владимирова цикла».⁷⁴

В одной из центральных былин русского эпоса — «Добрыня и Змей» — фольклорист видит переплетение агиографической византийской литературы с историческими преданиями о крещении Руси. Местом сложения этой богатырской песни А. В. Марков считает Новгородские земли, а ближайшее окружение церкви — социальной средой, где она была создана.⁷⁵

Как видим, в зрелых работах исследователя просматривается стремление исходить не только из имен эпических героев и географических названий, как это было, например, в статье о «Камском побоище». Былинный сюжет теперь анализируется им со всех точек зрения: версии и редакции; литературный прототип; исторические

предания; место оформления старины; возможная социальная среда и т. д.

Заканчивая разговор о А. В. Маркове-былиноведе, мы хотели бы обратить внимание на еще одну сторону его научной деятельности — просветительскую. Ученый не замыкался в рамках академической науки; он стремился великую фольклорную культуру донести до самых широких слоев русского образованного общества. Так, 24 апреля 1908 г. при помощи Музыкально-этнографической комиссии ОЛЕАиЭ им была организована в Историческом музее лекция «Художественное наследие Великого Новгорода» и большой концерт, где в исполнении профессиональных певцов и певцов-любителей (Е. Д. Денисова, А. Д. Карапетов, М. Е. Пятницкий, О. В. Богословская и др.) звучали в обработках композиторов (М. Балакирев, Н. Римский-Корсаков, А. Маслов и т. д.) былины, духовные стихи, свадебные песни и причитания, рождественские песнопения.⁷⁶

С конца 1900-х гг. былиноведческая тематика в трудах А. В. Маркова все более отходит на второй план. В кругу его научных интересов появляются другие жанры русского фольклора, а также произведения древнерусской литературы.

В 1910 г. А. В. Марков пишет большую статью о духовных стихах. Основная проблема, которую он пытается здесь решить, это время возникновения каждого отдельного стиха: «...появились ли известные нам стихи в первые века христианства на Руси или лишь с конца XV в.»⁷⁷ Ученый исходит не из связи духовных стихов с памятниками литературы и живописи, как это делали его предшественники, а из отражения в них идей того или иного века. Так, стихи о Егории Храбром на русской почве он относит к наиболее древним, так как для них актуальна проповедь новой религии; стих о непрощаемом грехе автор связывает с распространением в XIV в. ереси стригольников, которые заменяли церковную исповедь покаянием матери сырой земли; лирические же духовные стихи типа «Тебя я ради господи» возникают лишь в XVIII в. и т. д.

К статье о хронологии духовных стихов примыкает и работа «Повесть о Волоте и ее отношения к Повести о св. граде Иерусалиме и к стиху о Голубиной книге».⁷⁸ Здесь центральный на русской почве эпический стих о Голубиной книге рассматривается в его связях с древнерусской книжностью. Та же тема — старорусская литература и фольклор — звучит и в другом исследовании А. В. Маркова. Литературную Повесть о Горе-Злочастии он склонен считать «устным произведением, стоящим на границе между былинами и духовными стихами».⁷⁹

Уже посмертно было опубликовано большое исследование А. В. Маркова, посвященное Чулковскому песеннику, где поставлены многие принципиально важные вопросы, связанные с этим знаменитым сборником XVIII в.: Чулковский песенник и рукописные собрания того времени; местности, откуда происходят песни данного сборника; социальная среда, их породившая; авторы «простонародных» стилизаций и т. д.⁸⁰

В последнее десятилетие жизни А. В. Маркова в его научных интересах появилась еще одна тема, довольно неожиданная для филолога — проблема возникновения великорусской народности. В 1908 г. он публикует две небольшие заметки, где по материалам древнерусских

летописей приводит сведения об этносах, населявших Древнюю Русь.⁸¹ В большой статье 1914 г. ставится вопрос о чужде и ее роли в формировании древнерусского народа, о взаимоотношении русичей с финно-угорскими племенами (меря, весь и т. д.), прослеживаются на исторически обозримом пространстве контакты великорусов с мордвой. В этой работе А. В. Марков опирается на данные антропологии, этнографии, исторические свидетельства летописей и грамот, а также на фольклорные материалы.⁸² Последние письма А. В. Маркова к А. А. Шахматову, написанные в августе 1917 г., посвящены проблеме прародин славян, скифам и финно-угорским племенам.⁸³ Как видим, фольклорист всерьез интересовался этногенезом великорусов. Талантливый ученый, он чутко улавливал поворот фольклористики к этнографии, но тем не менее в его работах не произошло той интеграции этих двух наук, которая столь характерна для Д. К. Зеленина. А. В. Марков до конца жизни оставался фольклористом-филологом, что, как мы покажем ниже, особенно ярко сказалось в его рецензии на «Очерки русской мифологии» Д. К. Зеленина (см. очерк о Д. К. Зеленине).

В завершении нашего очерка о А. В. Маркове остановимся на тифлисском периоде жизни этого ученого. Как мы уже говорили, в 1911 г. он был приглашен на Тифлиссские высшие женские курсы, которые к этому времени работали уже третий год. В 1911/1912 гг. здесь насчитывалось 312 слушательниц на двух факультетах: историко-словесном и естественном. Программа курсов была максимально приближена к университетской. И, по всей видимости, А. В. Марков испытывал полное удовлетворение от своей новой работы. Во всяком случае именно это чувство он выразил в одном из писем к В. Ф. Миллеру, который в ответ писал своему ученику: «Душевно рад за Вас, что Вы, по-видимому, довольны Вашей должностью на Женских курсах и вообще переменой в Вашей жизни. Желаю, чтобы это чувство удовлетворенности Вы сохранили впредь».⁸⁴

А. В. Марков взял на себя практически все лекционные курсы, касающиеся русской словесности. Уже в 1912/1913 учебном году он читал историю русского языка, народную словесность, древнерусскую литературу, историю русской литературы XIX в.⁸⁵ С осени 1912 г. на него были возложены также обязанности декана историко-словесного факультета.

Весной 1913 г. организаторы курсов задумали издавать свой печатный орган — «Известия Тифлиссских высших женских курсов». А. В. Марков стал редактором статей историко-филологического характера. Ученый был одним из основателей открывшегося 9 февраля 1913 г. Общества этнографии, истории и языкознания (с августа 1913 г. А. В. Марков стал председателем Общества). Здесь он сделал несколько докладов: «Отношения между русскими и мордвой в истории и в области народной поэзии», «Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских песен», «К вопросу о составе I Новгородской летописи».⁸⁶

5 ноября 1913 г. в Петербурге скончался В. Ф. Миллер. Для А. В. Маркова это было большое личное горе. Сам он не смог присутствовать на похоронах. «Весть о смерти Всеволода Федоровича, — писал фольклорист родным В. Ф. Миллера, — для меня была совершенно неожиданна: я ничего не знал о его болезни, и тем сильнее меня поразила эта горестная весть. Вам, вероятно, трудно себе пред-

ставить мою печаль, так как Вы утратили в лице Всеволода Федоровича самого близкого человека, я же — только учителя. Но для меня, как человека науки, эта утрата незаменима и не может быть забыта. Все мои работы тесно связаны с работами покойного, и мне трудно себе представить, что мои новые труды уже не будут прочитаны Всеволодом Федоровичем. Наука так идейно нас соединила, что образовалась пустота, которую никто и ничто не сможет заполнить».⁸⁷

А. В. Марков чувствовал себя в долгу перед памятью своего учителя. В «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества» им был опубликован некролог В. Ф. Миллера.⁸⁸ Ученый с глубокой благодарностью принял предложение А. А. Шахматова⁸⁹ написать для «Известий ОРЯС» обзор трудов покойного по народной словесности, каковой и был опубликован в 1914—1916 гг.⁹⁰ Он с готовностью давал консультации Е. Н. Елеонской, заканчивавшей после смерти В. Ф. Миллера задуманное им издание сборника исторических песен XVI—XVII вв.⁹¹ Сам же А. В. Марков взял на себя подготовку третьего тома «Очерков» из сочинений В. Ф. Миллера.⁹² А. В. Маркову принадлежит отбор статей для этого издания, идея деления тома на два раздела: Былины и Исторические песни и предания. К концу января 1916 г. было подписано к печати 20 листов третьего тома «Очерков русской народной словесности».⁹³ Но держать в руках готовую книгу А. В. Маркову не пришлось. Здоровье его ухудшалось с каждым месяцем. Закончил редактирование третьего тома «Очерков» уже в 1924 г. другой ученик В. Ф. Миллера Н. В. Васильев.

Первые жалобы на состояние здоровья стали проскальзывать в письмах А. В. Маркова с осени 1912 г. 12 октября он писал А. А. Шахматову: «Лето я провел под Москвой, но не мог работать, так как необходимо было поправлять свое расшатанное здоровье (нервы). В настоящее время чувствую себя вполне хорошо».⁹⁴ Через полтора года, в марте 1914 г., А. В. Марков вынужден был извиняться перед А. А. Шахматовым за задержку окончания обзора трудов В. Ф. Миллера по русскому фольклору: «...за последнее время слегка переутомился и доктор советовал мне на время бросить все научные занятия, кроме необходимых — то есть чтения лекций. Поэтому я должен буду задержать окончание обзора до того времени, когда отдохну и вновь сделаюсь работоспособным».⁹⁵ В письме от 3 мая 1914 г. читаем: «Чувствовать себя продолжаю неважно; необходимо поскорее уехать от начавшейся уже жары и заняться физической работой на воздухе: это — мое единственное и верное средство от умственного переутомления».⁹⁶ Лето 1914 г. А. В. Марков провел под Москвой в Пушкино, на даче у своего отца. Здоровье его несколько окрепло, и в 1914/1915 академическом году он опять работал в Тифлисе. Через год наступило обострение. В сентябре 1915 г. А. В. Марков писал А. А. Шахматову, что он страдает нервным расстройством. Ученый лечился в санатории и до января 1916 года пробыл в Звенигороде, на родине жены.⁹⁷ Только к зимнему семестру он вернулся на курсы.

Начало 1917 г. застало А. В. Маркова в Звенигороде. Здесь он заболел затяжной формой плеврита, к которому присоединилась еще и экзема. И тем не менее письма последних месяцев жизни ученого полны живого интереса ко всему, что происходило тогда в России. Февральский переворот 1917 года А. В. Марков воспринял восторженно. 5 мар-

та в письме к А. А. Шахматову он поздравлял своего адресата с «великой всероссийской радостью» и сожалел, что не может из-за болезни лично принимать участие в происходящих событиях.⁹⁸

31 августа 1917 года А. В. Марков скончался.

¹ Нам известно, что В. Ф. Миллер хлопотал об оставлении А. В. Маркова при университете, но по каким-то причинам его предложение не было принято. См.: Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (бывшая Государственная библиотека им. В. И. Ленина). Ф. 160. П. 4. Ед. хр. 164 (письмо Вс. Миллера А. В. Маркову от 2 октября 1900 г.). (Далее: РГБ).

² См. письмо В. В. Богданова, секретаря Этнографического отдела ОЛЕАиЭ, к А. В. Маркову от 12 января 1897 г.: РГБ. Ф. 160. П. 20. Ед. хр. 27.

³ См.: Протоколы заседаний Музыкально-этнографической комиссии за 1901—1906 гг. (I—XLIV) // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1906. Т. 1. С. 1—57 (3-я пагинация); Протоколы заседаний Музыкально-этнографической комиссии 1906—1910 гг. // Материалы и исследования по изучению народной песни и музыки. М., 1911. С. 1—27 (3-я пагинация) (Труды Музыкально-этнографической комиссии... Т. 2).

⁴ Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. М., 1911. С. 183.

⁵ Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914). М., 1915. Т. 2. С. 221.

⁶ См.: «Протопресвитер — высшее звание русского белого духовенства. Протопресвитеров в России четыре. Протопресвитер Большого придворного собора в Спб. заведует придворным духовенством {...} Титул Протопресвитера носят также настоятели Успенского и Архангельского соборов в Москве» (Энциклопедический словарь. Спб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1898. Т. 25-а, кн. 50. С. 559).

⁷ Источники словаря русских писателей / Собр. С. А. Венгеров. Пг., 1917. Т. 4. С. 182.

⁸ Первая опубликована в «Православном обозрении» за 1876 г. (№ 6. С. 209—216); вторая — в этом же органе печати за 1873 г. (№ 11. С. 805—808).

⁹ РГБ. Ф. 160. П. 4. Ед. хр. 86. Л. 1 (письмо А. В. Маркова к В. Ф. Миллеру от 13 февраля 1908 г.).

¹⁰ Аникин В. П. Марков Алексей Владимирович // Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 4. Стб. 624—625; Марков Алексей Владимирович // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 15. С. 379.

¹¹ Детские песни, записанные А. Марковым в Центральных губерниях в 1892—1896 годах / Публ. П. Д. Ухова // Вестник Московского университета. Сер. 7. Филология. Журналистика. 1961. № 4. С. 73.

¹² Мирков А. В. Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии, в связи с вопросом о происхождении великорусского племени // Изв. Тифлиских высших женских курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1, вып. 1. С. 48—94.

¹³ Отчет о деятельности Этнографического отдела за 1897—98 год // Этногр. обозрение. 1899. № 1—2. С. 383. Былины записи 1898 г. первоначально опубликованы В. Ф. Миллером: Миллер В. Ф. Новые записи былин в Архангельской губернии // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1899. Т. 4, кн. 2. С. 661—725.

¹⁴ Тексты перечисленных собирателей опубликованы: 1) Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1874. Вып. 1—10; 2) Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. М., 1878. Ч. 2 (перепечатано: Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. № 5, 15, 32, 49, 67, Приложения, № V).

¹⁵ Лобода А. М. Русский богатырский эпос: (опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу). Киев, 1896. С. 88.

¹⁶ Для дальнейшего понимания экспедиционных маршрутов А. В. Маркова напомним, что Беломорское побережье делится на семь регионов: Зимний берег (устье Мезени—Сев. Двина); Летний берег (от устья Сев. Двины до дер. Летняя Золотица); Онежский берег (дер. Пушлахта—устье р. Онеги); Поморский берег (устье Онеги—устье р. Кеми); Карельский берег (от Кеми до дер. Черная Река); Кандалакшский берег (дер. Ковла — дер. Колвица); Терский берег (дер. Порья Губа — дер. Поной). См.: Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 82—83.

- 17 РГБ. Ф. 160. П. 4. Ед. хр. 91. Л. 3.
- 18 Имеются в виду фотографии.
- 19 РГБ. Ф. 160. П. 4. Ед. хр. 91. Л. 4.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Ед. хр. 90. Л. 1.
- 22 Марков А. В. На Зимнем берегу // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1900. Т. 5, кн. 2. С. 641—647. См. также: Отчет о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ за 1898—99 год // Этногр. обозрение. 1900. № 1. С. 184.
- 23 Архив Академии наук (Петербургское отделение). Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 964. Л. 2—3. (Далее: ААН).
- 24 Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
- 25 Русская мысль. 1901. № 9. С. 288 (2-я пагинация). См. также: [Пыпин А. Н.] // Вестник Европы. 1901. № 6. С. 833—838; Ак-ч // Лит. вестник. 1901. Т. 2, кн. 5. С. 47—48; Русский филологический вестник. 1902. № 1/2. С. 259—260; Временник «Живописной России». 1901. 6 мая, № 18. С. 180; Н. В. В. // Этногр. обозрение. 1901. № 4. С. 138—144.
- 26 Кстати, в работе с фонографом — несовершенным прообразом современных магнитофонов — были свои трудности. Сложности возникли еще в процессе подготовки к поездке. В одном из писем А. Л. Маслова к А. В. Маркову читаем: «Произвел я опыты с фонографом, причем результаты оказались не совсем утешительными. Половина валика каждый раз записывает хорошо, но как только диафрагма переходит на вторую половину, начинается «скрести» и за шумом ее не слышно поющего» (РГБ. Ф. 160. П. 4. Ед. хр. 169). По возвращении из экспедиции при прослушивании звукозаписей и расшифровке напевов, действительно, оказалось, что некоторые записи «вышли недостаточно отчетливо» (Маслов А. Л. Замечания к напевам с. Нижней Золотицы // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1906. Т. 1. С. 145).
- 27 Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1: Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1906. Т. 1. С. 14.
- 28 Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2: Терский берег Белого моря // Труды Музыкально-этнографической комиссии... М., 1911. Ч. 2. С. 1—117.
- 29 Марков А. В. [Отчет] // Соболевский А. И. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1901 год. Спб., 1901. С. VII—VIII. См. также: Собрание былин // Ист. вестник. 1902. № 3. С. 1180; Отчет о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ за 1900—1901 год // Этногр. обозрение. 1901. № 4. С. 186.
- 30 Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.
- 31 Отчет о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ и состоящей при нем Музыкально-этнографической комиссии за 1902—1903 год // Этногр. обозрение. 1903. № 4. С. 183.
- 32 ААН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 918. Л. 3.
- 33 Отчет о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ // Этногр. обозрение. 1904. № 3. С. 129—130.
- 34 ААН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 918. Л. 21 (письмо от 16 февраля 1909 г.).
- 35 ААН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 929. Л. 10.
- 36 Марков А. В. Отчет о поездке А. В. Маркова в губернии Пермскую и Архангельскую летом 1909 г. // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1910. Т. 15, кн. 4. С. 192.
- 37 Цитирую по статье: Смирнов Ю. И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова // Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976. Т. 16. С. 116.
- 38 13 текстов опубликовано Ю. И. Смирновым. Впечатления об этой поездке см.: Марков А. В. Стране древляго благочестия: (из впечатлений поездки по Поморью) // Музыка и жизнь. 1909. № 12. С. 8—9.
- 39 РГБ. Ф. 160. П. 4. Ед. хр. 474. Л. 37.
- 40 Марков А. В. // Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете: 1811—1911. М., 1911. С. 183 (биографическая справка для Словаря написана самим А. В. Марковым).

- ⁴¹ Миллер В. Ф. Предисловие // Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901. С. IX.
- ⁴² ААН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 964. Л. 9 об. (письмо от 10 апреля 1901 г.).
- ⁴³ Марков А. В. [Рец. на кн.: Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — С. М. Ляпунов. Спб., 1899] // Этногр. обозрение. 1899. № 3. С. 185—188.
- ⁴⁴ Марков А. В. [Рец. на кн.: Соколов М. Е. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии. Петровск, 1896] // Этногр. обозрение. 1899. № 1—2. С. 362—364.
- ⁴⁵ Марков А. В. Былины, записанные в Пермской губернии // Этногр. обозрение. 1899. № 4. С. 89—94.
- ⁴⁶ Марков А. В. Забытая старая запись одной былины // Этногр. обозрение. 1900. № 3. С. 130—133.
- ⁴⁷ Марков А. В. Беломорская былина о походе новгородцев в Югру в XIV веке: («Камское побоище») // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900. С. 150—162. Позднее, не отступая от точки зрения, что в основе «Камского побоища» лежат события 1357 г., А. В. Марков истолковывал слово «Камское» от старинного названия Уральского хребта как «Камень»: «Закамская страна» — это земли, лежащие за Каменем, за Уралом. См.: Древности: Труды Славянской комиссии императорского Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 57—58 (изложение доклада А. В. Маркова «Отзыв о книге В. Ф. Миллера "Очерки русской народной словесности. Т. 2"»).
- ⁴⁸ Марков А. В. Беломорская былина о походе новгородцев в Югру в XIV веке («Камское побоище»). С. 160.
- ⁴⁹ РГБ. Ф. 160. П. 4. Ед. хр. 149. Л. 3—3 об.
- ⁵⁰ Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского эпоса. М., 1892.
- ⁵¹ Марков А. В. К былине о бое Ильи Муромца с сыном // Этногр. обозрение. 1900. № 3. С. 73—95.
- ⁵² Миллер В. Ф. К былине о бое Ильи Муромца с сыном // Этногр. обозрение. 1905. № 4. С. 79—94.
- ⁵³ Там же. С. 94.
- ⁵⁴ Древности: Труды Славянской комиссии при императорском Московском археологическом обществе. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 57—58.
- ⁵⁵ Марков А. В. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1915. Т. 20, № 1. С. 300.
- ⁵⁶ Миллер В. Ф. К былине о князе Глебе Володьевиче // Журнал министерства народного просвещения. 1903. № 6, Отд. 2. С. 304—321.
- ⁵⁷ Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса: К былине о князе Глебе Володьевиче // Этногр. обозрение. 1904. № 3. С. 1—37.
- ⁵⁸ Миллер В. Ф. Имя былинной киевской княгини // Этногр. обозрение. 1903. № 1. С. 72.
- ⁵⁹ Марков А. В. Еще об имени былинной киевской княгини // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1908. Кн. 2, Смерь. С. 5—6.
- ⁶⁰ Позднее А. В. Марков считал свою догадку об имени эпической княгини Апраксии «мало убедительной». См.: Марков А. В. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1915. Т. 20, № 1. С. 304.
- ⁶¹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897.
- ⁶² Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1910. Т. 2.
- ⁶³ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины и исторические песни. М.; Л., 1924. Т. 3.
- ⁶⁴ Марков А. В. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1915. Т. 20, № 1. С. 307.
- ⁶⁵ Особенно ярко эта мысль высказана им в работе «Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в Северной России» (Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1909. Т. 18. С. 440—471).
- ⁶⁶ Аникин В. П. Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 159.
- ⁶⁷ Марков А. В. Бытовые черты русских былин // Этногр. обозрение. 1903. № 4. С. 7.
- ⁶⁸ Аникин В. П. Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова. С. 163 (ср.: РГБ. Ф. 160. П. 7. Ед. хр. 4). Знаки сложения — плюсы в рукописи — означают число сторонников того или иного направления в былиноведении.
- ⁶⁹ Марков А. В. К вопросу о методе исследования былин // Этногр. обозрение. 1907. № 1—2. С. 36.

- ⁷⁰ Там же. С. 38.
⁷¹ Там же. С. 29.
⁷² Там же. С. 34.
⁷³ Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса // Этногр. обозрение. 1904. № 2. С. 110.
⁷⁴ Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса: 1. Один из источников былины о сорока каликах со каликою // Этногр. обозрение. 1904. № 2. С. 114—115. См. также: Марков А. В. Предание о сорока новгородских каликах // Этногр. обозрение. 1902. № 2. С. 144—148.
⁷⁵ Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса. V. Добрыня-змееборец. Происхождение былины // Этногр. обозрение. 1906. № 3—4. С. 16—54.
⁷⁶ Марков А. В. Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в Северной России. Харьков, 1909 (Отд. оттиск из 18 т. «Сборника Харьковского историко-филологического общества».)
⁷⁷ Марков А. В. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении // Богословский вестник. 1910. № 6. С. 358. Доклад на эту же тему ученый делал на заседании Славянской комиссии Московского археологического общества 30 ноября 1909 г. Сообщение вызвало большой интерес и серьезную дискуссию: См.: Древности: Труды Славянской комиссии императорского Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 48—50.
⁷⁸ Марков А. В. Повесть о Волоте и ее отношения к Повести о св. граде Иерусалиме и к стиху о Голубиной книге // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1913. Т. 18, кн. 1. С. 49—86.
⁷⁹ Марков А. В. Повесть о Горе-Злочастии: Образ Горя // Живая старина. 1913. № 1. С. 17—24.
⁸⁰ Марков А. В. Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских народных песен // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1917. Т. 22, кн. 2. С. 81—126.
⁸¹ Марков А. В.: 1) К этнографии севера Европейской России // Этногр. обозрение. 1908. № 1—2. С. 157—158; 2) К вопросу об источниках древних сведений об инородцах северной России // Этногр. обозрение. 1908. № 3. С. 107—110.
⁸² Марков А. В. Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии, в связи с вопросом о происхождении великорусского племени // Изв. Тифлиских высших женских курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1, вып. 1. С. 48—94.
⁸³ ААН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 918. Л. 103—108.
⁸⁴ РГБ. Ф. 160. II. 4. Ед. хр. 151. Л. 6.
⁸⁵ Программы лекций и темы семинарских занятий, предложенных А. В. Марковым слушательницам, см.: Изв. Тифлиских высших женских курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1, вып. 2.
⁸⁶ Отчет о деятельности Общества этнографии, истории и языкознания при Т. В. Ж. курсах за 1913 год // Изв. Тифлиских высших женских курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1, вып. 1. С. 184—188.
⁸⁷ Выражения соболезнования о кончине Всеволода Федоровича Миллера (присланные на имя семьи покойного) // Этногр. обозрение. 1913. № 3—4. С. 185—186.
⁸⁸ Марков А. В. Ф. Миллер (1848—1913): Некролог и список ученых трудов В. Ф. Миллера, касающихся Кавказа // Изв. Кавказского отдела имп. Русского географического общества. Тифлис, 1914. Т. 22, вып. 2. С. 174—181.
⁸⁹ ААН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 918. Л. 67 (письмо от 13 декабря 1913 г.).
⁹⁰ Марков А. В. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1914. Т. 19, кн. 2. С. 120—149; 1915. Т. 20, кн. 1. С. 291—349; 1916. Т. 21, кн. 1. С. 71—108.
⁹¹ ААН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 918. Л. 68—69 (письмо А. В. Маркова к А. А. Шахматову от 31 декабря 1913 г.).
⁹² Эту тему см. в письмах А. В. Маркова к А. А. Шахматову: ААН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 918. Л. 63—63 об. (письмо от 23 ноября 1913 г.); л. 80—81 (от 7 марта 1915 г.).
⁹³ ААН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 1039. Л. 29 (письмо А. В. Маркова А. А. Шахматову от 29 января 1916 г.).
⁹⁴ ААН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 918. Л. 48 (письмо без начала; началом этого письма мы считаем л. 50, на котором сохранилась дата — 12 октября 1912 г.).
⁹⁵ Там же. Л. 72 (Письмо к А. А. Шахматову от 17 марта 1914 г.).
⁹⁶ Там же. Л. 79.
⁹⁷ Там же. Л. 88 (письмо от 3 декабря 1915 г.).
⁹⁸ Там же. Л. 102.